

МОИ ВСТРЕЧИ С СОВЕТСКИМИ ИСТОРИКАМИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В 1960–1992 ГГ.

К. Мазорик

С начала 1960-х годов, когда мне было около 30 лет, и до середины 1990-х, когда я собрался уходить на пенсию, жизненные обстоятельства и мои собственные интересы позволили мне познакомиться и в дальнейшем общаться с целым рядом московских историков, занимавшихся изучением Французской революции. Следует, очевидно, отметить, что все встречи с ними были следствием моей близости к Альберу Собулю, благодаря которому мне и оказалось суждено в свое время сойтись с этими людьми. Однако было бы неверно сводить лишь к этому достаточно случайному обстоятельству все те отношения с советскими историками, которыми была отмечена моя жизнь и которые, хотя и очень скромно, способствовали расширению франко-советского сотрудничества в изучении истории.

Прежде всего, приведу факты из своего личного опыта. По просьбе Альбера Собуля и с согласия Жака Годшо, я должен был подготовить историографический обзор по итогам конференции о Бабефе, которая состоялась в Стокгольме в августе 1960 г. во время XI Международного Конгресса исторических наук. Моя работа, опубликованная в материалах конференции¹, дала мне повод вступить в переписку с Виктором Далиным, которому был запрещен выезд из СССР, но чей моральный и научный вклад в стокгольмскую встречу был чрезвычайно важен. Начиная с 1961 г., мои контакты с Далиным не прекращались. В марте 1983 г. мы с ним встретились и провели вместе довольно много времени. Я присутствовал на его похоронах в 1985 г. и затем, при содействии Людмилы Пименовой и Владислава Смирнова, написал о нем некролог, вышедший в *Annales historiques de la Révolution française* и в *La Pensée*². Эти отношения с Далиным были тем более важны, что он сдержанно отнесся к некоторым выводам моих первых работ о Бабефе; но, тем не менее, наше общение не было формальным или сугубо академичным.

В 1990 г., находясь в Москве, я встретился с его сыном – Михаилом Далиным, известным врачом-микробиологом, который попросил меня о встрече и в ходе нее сообщил две интересные вещи. Во-первых,

Клод Мазорик, Ним.

¹ Babeuf et les problèmes du babouisme. P., 1962.

² АНRF. 1986. P. 87–90; La Pensée. 1986. № 249. P. 85–89.

он подтвердил существование тесных связей Виктора Далина с «рабочей оппозицией» 30-х годов, которые, так же, как и дружба с Николаем Бухариным, дали повод сталинской власти для ареста, заключения, а затем и ссылки историка на поселение. Лишь в 1955 г., спустя два года после смерти Сталина, В.М. Далин смог вернуться в Москву благодаря ходатайству академика В.П. Волгина и поддержке Е.А. Желубовской. Во-вторых, я узнал, что ВМ. Далин сохранил свою приверженность КПСС даже после всех перенесенных им испытаний. Михаил Далин искал встречи со мной, поскольку желал, чтобы полное собрание трудов его отца было опубликовано в России и Франции, и хотел попросить меня заняться этим делом. Он встретился со мною, несмотря на то, что получил от одного молодого французского историка, движимого сектантскими чувствами, весьма неприятное письмо, направленное против меня (М. Далин мне дал его прочитать), где я изображался тупым и бездушным фанатиком!

Однако в 1990 г. издательская конъюнктура в России была столь же мало благоприятна для реализации подобных начинаний, как и во Франции, и очень скоро мы с доктором Михаилом Далиным убедились в невозможности осуществить задуманное. Таким образом, творчество В.М. Далина, за исключением написанной им биографии Бабефа до 1794 года³, остается мало известным во Франции.

* * *

В 1963 г. Анатолий Адо получил стипендию на годичное пребывание во Франции для работы над диссертацией, посвященной борьбе крестьян по время Революции за передел собственности и уничтожение «феодалного режима». Дабы оказать ему содействие в исследовательской работе, меня познакомил с ним Альбер Собуль, который тогда был увлечен этими проблемами, так же, как ранее Жорж Лефевр, занимавшийся ими всю свою жизнь, и многие другие французские историки, его ученики или друзья (Ж. Брюа, Ж. Дотри, Ж. Мевре, Р. Довернь и др.). Тогда я имел удовольствие и честь дважды принимать Адо в Руане, где мы вместе с Ги Лемаршаном ввели его в богатейшие архивы департамента Сен-Маритим и совершили краткий визит в Пэи-де-Ко, совмещенный с посещением прибрежных городов – Гавра и Дьепа.

В 1964 г. настал черед Геннадия Кучеренко, ученика Бориса Поршнева, приехать на год во Францию для проведения исследований. И вновь поездка по Верхней Нормандии в феврале или марте, сопровождавшаяся в местечке Этрета морскими купаниями в ледяной воде,

³ *Daline V. Gracchus Babeuf á veulle et pendant la Révolution française. 1785–1794. Moscou, 1976 (1 éd.); 1987 (2 éd.).* Предисловие К. Мазорика.

что весьма впечатлило его хозяев. Но главное, долгие дискуссии о содержании Просвещения. «Культура» или «идеология»? Что такое «материализм» Монтескье? Как отличить утопию социальную, которая является системой, от утопии как изображения будущего в романе или от воображаемого идеала в поэзии, политической мысли или литературе? Позднее, в августе 1985 года, я встретил Кучеренко в Штутгарте на Международном Конгрессе исторических наук. Там он выступил с замечательным докладом о Просвещении на коллоквиуме, проходившем под председательством Жака Годшо и организованном Международной комиссией по истории Французской революции, которую в тот день возглавил Мишель Вовель. Я виделся еще раз с Кучеренко в Париже, где он был представителем в ЮНЕСКО от Советского Союза в 1987-1990 гг. Анатолий Адо умер в 1995 г., Геннадий Кучеренко в 1997-м.

* * *

К этим продолжительным встречам 1960-х – 1970-х годов добавились, опять же по инициативе Собуля, краткие моменты общения за обедом или при посещении музея с Борисом Поршневым в Ниме и с Наумом Застенкером в Париже в 1964 г.⁴ Последний, работавший на кафедре Новой и Новейшей истории в МГУ им. М.В. Ломоносова, был научным руководителем кандидатской диссертации Владислава Смирнова. В Париже я по его просьбе встретился с Альбертом Манфредом у него в отеле в 7 округе, поблизости от тех академических и исследовательских учреждений, которые он усердно посещал. Манфред занимал важное положение в Институте истории АН СССР, где трудился его коллега и друг Виктор Далин, пришедший туда работать в 1956 г. в период, именуемый по названию книги Ильи Эренбурга «Оттепель». Манфред пытался убедить меня не отказываться от изучения Бабефа и «непреходящего значения» для XIX в. бабувистских идей, которые он считал своего рода фамильным достоянием «коммунизма». Яркий ученый, обладавший способностью к синтезу, Манфред выделялся на Международном Конгрессе исторических наук в Вене (1965), в ходе которого состоялся памятный Коллоквиум о Робеспьере, материалы коего позднее были опубликованы. Манфред был автором многих работ, посвященных Марату, Робеспьеру, Руссо, Наполеону. Он одним из первых проанализировал философский материализм Бонапарта и его «корсиканское», а затем «якобинское» прошлое. Многие из трудов Манфреда были переведены на французский язык и отмечены во Франции. Они весьма информативны и все еще представляют интерес,

⁴ Б.Ф. Поршневу умер в 1972 г., Н.Е. Застенкер – в 1977 г.

однако, прежде всего, французскими историками Революции была отмечена его лекция «Природа якобинской власти», которую Манфред прочитал в Сорбонне 5 февраля 1966 г. по приглашению Фернана Броделя в рамках его семинара «Шестой секции Школы Высших исследований». Я присутствовал на ней и должен был написать краткий отчет для *Annales historiques de la Révolution française*⁵. По моим воспоминаниям на том заседании, кроме Марселя Рейнара, Камилла-Эрнеста Лабрусса, Альбера Собуля и Робера Мандру, присутствовали Жан Брюа, Марк Булуазо, Мишель Эд, Артюр Бирамбо и некоторые другие члены Французского комитета исторических наук и Общества робеспьеристских исследований. После завершения публичного обсуждения лекции, прошедшего весьма благоприятно для Манфреда, Франсуа Фюре и Эмманюэль Леруа-Ладюри в ходе краткой неформальной дискуссии подвергли критике его «марксистскую» интерпретацию, противопоставив ей «теорию заноса» Революции, каковую Дени Рише и Фюре собирались тогда представить в своей «новой истории» революционных событий. В действительности, речь шла о возвращении к «либеральной» и консервативной интерпретации, которая вдохновила их на два тома, увидевшие свет в издательстве Ашетт в 1965–1966 гг. Впоследствии у меня была довольно длительная беседа с Манфредом, который только что приобрел первый том издания Фюре и Рише и собирался его читать. Он, естественно, еще не знал содержания критической рецензии об этом сочинении, которую я должен был сделать для *Annales historiques de la Révolution française*, – рецензии, о коей Собуль и, возможно, Рейнар, ему рассказывали⁶. В разговоре я сообщил Манфреду как о своем одобрении в целом его полемического выступления, так и о своих частных сомнениях (а именно – относительно понятия «блок», которому я придаю значение скорее в духе Грамши, то есть не предполагающее столь четко очерченную структуру и осуществление государственной власти. Это понятие было ключевым для его выступления, тогда как я отдавал предпочтение более многозначному термину «гегемония»). Лекция Манфреда увидела свет лишь в 1970 г. в журнале *La Pensée*. Очевидно, что такое запоздание с публикацией, появившейся уже после горячей историографической полемики о *смысле* Революции, а также после большого социально-политического кризиса мая 1968 г. и его последствий для Франции, во многом способствовало тому, что работа прошла незамеченной, и те новаторские идеи, которые она, безусловно, содержала, не были оценены по достоинству⁷. Альберт Манфред скончался в 1976 г., вскоре после своего очередного возвращения из Франции.

⁵ AHRF. 1966. № 3. P. 479.

⁶ AHRF. 1967. № 3. P. 339–368.

⁷ La Pensée. 1970. № 1. P. 62.

* * *

Впервые в Советский Союз я приехал со своей супругой Симоной Мазорик на две недели в отпуск в августе 1982 г. С ноября 1982 г. по март 1987 г. я, после философа Люсьена Сэва, занимал должность директора издательства *Editions sociales*, связанного с московским издательством «Прогресс», и в этом качестве приехал в Москву в декабре 1983 г. В тот раз я был приглашен выступить с докладом, посвященным ситуации во французской и международной историографии накануне 200-летия Революции, перед группой ученых из Института всеобщей истории Академии наук СССР, возглавляемой Виктором Далиным, к которым присоединились коллеги и друзья с кафедры Новой и Новейшей истории МГУ. В тот период, после победы Франсуа Миттерана на президентских выборах 1981 г., левые находились у власти. Мишель Вовель, который вот-вот должен был занять кафедру истории Революции в Сорбонне, освободившуюся после смерти Альбера Собуля 11 сентября 1982 г., был приглашен стать главным координатором программы научных мероприятий в честь этой исторической годовщины. Дискуссия, последовавшая за моим выступлением, показала желание московских историков активно участвовать в праздновании юбилея. Для этого у них имелся богатый научный задел, начиная от трудов уже давно ушедших ученых – Тарле, Волгина, Лукина, Захера, Манфреда – до относительно недавно появившихся из печати диссертационных работ Далина, академика Нарочницкого, Адо и совсем новых работ их учеников, например Людмилы Пименовой. Резюме моего выступления было опубликовано во «Французском ежегоднике» за 1983 год⁸.

* * *

1983 год стал также годом встречи в Париже с моим другом и ровесником Владиславом Смирновым, приехавшим во Францию на год для проведения исследований. Профессор Московского университета, он руководил там сначала вместе с Адо, а затем один, работой группы специалистов по истории Франции. Его исследования по Новейшей истории касались Сопротивления (сначала – коммунистического, позднее – голлистского), а также XX века в целом. Тем не менее, Смирнов, чьим ближайшим другом был Анатолий Адо, с которым они вместе учились, был компетентен и в истории Французской революции, а также в постоянно шедшей вокруг нее полемике. Он сильно облегчил мои контакты с молодыми исследователями из России и из других советских республик, проживавших в Москве. Именно ему я обязан

⁸ ФЕ. 1983. М., 1985. С. 257–258.

встречей, в домашнем кругу за прекрасным обедом, с Ю.Н. Афанасьевым, редактором журнала «Коммунист», историком разносторонних интересов, которому мы обязаны распространением трудов Фернана Броделя в СССР и который стал с того времени, как известно, одним из ведущих участников демократических преобразований в СССР⁹.

По инициативе Владислава Смирнова и Анатолия Адо меня попросили, вслед за приглашенным в 1983 г. Шарлем-Оливье Шарбонне-лем, прочитать в сентябре-октябре 1985 г. курс лекций для студентов и исследователей из МГУ, специализирующихся на истории Франции. Это дало мне возможность разобраться в собственных теоретических концепциях в связи с начинающейся Перестройкой, и возобновить свои исследования по революционной истории. Резюме этого курса, касающегося окончания «феодализма», культурной революции во время революции социально-политической, формирования пост-революционного правящего класса и революционного процесса на примере Верхней Нормандии, появилось во «Французском ежегоднике» за 1985 год¹⁰. Во время этого моего довольно длительного пребывания мы пережили тяжелую утрату – 5 октября 1985 г. скончался Виктор Далин. Я участвовал в его похоронах вместе с Адо, Смирновым, Пименовой и многими другими, кто пришел почтить память великого историка и поистине благородного человека, оставшегося истинным коммунистом, несмотря на пережитые ужасы и унижения. Из всех присутствующих, я выразил особое сочувствие коллеге и ближайшей соратнице Виктора Далина – Галине Чертковой, благодаря которой было закончено важнейшее издание на русском языке четырех томов сочинений Бабефа¹¹. В 1997 г. я с радостью встретил Галину Черткову на коллоквиуме «Друзей Бабефа» в Сен-Кэнтене, где она принимала активное участие в дискуссиях и представила яркий доклад о Герцене и французской революционной традиции. Галина покинула нас в 2001 г.¹².

* * *

В преддверие 200-летия Революции контакты активизировались. По моей рекомендации, в МГУ им. М.В. Ломоносова на тех же условиях, что и я, были приглашены Ги Лемаршан (1987) и Раймон Юар (1988). Позднее и уже в новом контексте – Марк Ферро (1989) и Жак Тоби (1991), а за ними и некоторые другие французские историки, специалисты по современной истории и политологии. Со своей стороны

⁹ См. его статьи в журнале «Вопросы истории» за 1981, 1984, 1989 гг., а также предисловие к русскому изданию главного труда Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм». М., 1985.

¹⁰ ФЕ 1985. М., 1987. С. 324–326.

¹¹ *Бабеф Г.* Сочинения М., 1975–1982. Т. 1–4.

¹² См. заметку Л.А. Пименовой в АНRF. 2001. № 4. Р. 173.

я добился от Руанского университета приглашения в декабре 1986 г. – январе 1987 г. на двухмесячную стажировку Людмилы Пименовой, ученицы Адо, и Натальи Наумовой, ученицы Смирнова, талантливой исследовательницы истории правых в Четвертой и Пятой республиках. Позднее, в 1988 г., на такую же стажировку приезжал Владимир Посконин, прекрасный специалист, тонкий знаток современной Франции и глубокий человек (я сравнивал его по-дружески с Пьером Безуховым, героем «Войны и мира» Л.Н. Толстого), чья ранняя кончина потрясла нас. В 1987 г. нас посетила Елена Федосова, коллега и друг Адо, а несколько позднее – и сам Адо, а также Смирнов и Пименова, приезжавшие на большие конференции, организованные Руанским университетом – «Французская революция и процессы социализации современного человека» (1988)¹³ и «Нация в переходных процессах» (1992). Смирнов и Адо также участвовали в Международном симпозиуме «Нации, национализм и переходы (XVI–XIX вв.)», который мы Ги Лемаршаном организовали в Руанском университете и материалы которого были опубликованы в 1993 г.¹⁴ Кроме того, я с удовольствием содействовал четырем из дюжины более или менее продолжительных визитов в нашу страну Владислава Смирнова, включая его последний приезд в 2005 г. на мемориальное мероприятие в честь Альбера Собуля в Музее Французской революции в Визиле. Со своей стороны в связи празднованием 200-летия Революции я приезжал в Москву еще дважды. Первый раз, по инициативе советской стороны, в компании, кроме прочих, с Роже Мартелли и Сержем Воликовым для участия в колоквиуме о новых интерпретациях истории Революции, организованном Академией социальных наук в ноябре 1989 г. Второй раз – в мае-июле 1990 г., по инициативе Ю.Н. Афанасьева, в рамках сотрудничества между Руанским университетом и РГГУ для чтения цикла лекций о новых стратегиях и тенденциях в историографии Французской революции. Это дало мне возможность встретиться с коллегами и старыми друзьями из Московского университета и Института всеобщей истории РАН, а также познакомиться с новыми, именитыми историками, такими, как известный медиевист Арон Гуревич, ушедший из жизни в 2006 г., или специалист по французским архивным документам Евгений Старостин, чья помощь в изучении московских архивных фондов была весьма ценной для меня.

Когда я бросаю критический взгляд на обстоятельства, в которых развивалось сотрудничество, позволившее мне познакомиться со многими именитыми советскими историками, я отмечаю два очевидных факта. Ни одна из этих встреч не была организована по инициативе или

¹³ Материалы были опубликованы: *La Révolution française et l'homme moderne*. P., Rouen, 1989.

¹⁴ *Nations, nationalismes et transitions (XVI–XIX siècles)*. P., 1993.

при поддержке Французского национального комитета историков, официального органа, с которым аналогичный Советский комитет, контролируемый Академией наук и государственным аппаратом, поддерживал постоянные связи с тех самых пор, как советские историки стали входить в международные организации, в частности, накануне и после международных Конгрессов исторических наук в Риме (1955), Стокгольме (1960) и Вене (1965). На тему Французской революции оба комитета организовали лишь две конференции, на которых покойный Рене Жиро с французской стороны выполнял функции научного организатора вместе с президентом Французского комитета Жаном Девезом: в 1978 г. – по аграрным вопросам, при поддержке Пьера Барраля и Альбера Собуля; и в 1987 г. при участии Поля Жербо. Только в период празднования 200-летней годовщины Революции было положено начало, по инициативе Мишеля Вовеля, новому этапу отношений, что, однако, уже не относится к теме моего доклада.

Второе наблюдение, связанное с первым: из-за спонтанного характера отношений, о чем я только что говорил, я так и не получил возможности пообщаться с теми советскими историками, чьи работы и исследования знал в переводах, или теми, труды которых казались мне интересными, как, например, Е.А. Желубовской, А.Р. Иоаннисяна, В.Г. Ревуненкова (из Ленинграда-Петербурга), Д. Туган-Барановского; общение же с Е.Б. Черняком и А.В. Гордоном было очень кратким.

* * *

Естественно, всеми этими знакомствами я был обязан своей близости к Альберу Собулю, но особенно – своей репутации историка-марксиста и общественно-политической деятельности, привлекавшими ко мне благожелательное внимание советских историков и, безусловно, академических и политических властей, в чем я окончательно смог убедиться во время длительного пребывания в Московском университете в 1985 г. Но и тут не обходилось без трудностей и недопонимания, на что я хотел бы обратить внимание. Например, в 1970-е годы я так и не смог получить доступ к архивному фонду Бабефа в Институте марксизма-ленинизма, несмотря на оформленное соответствующим образом отношение от Политбюро Французской коммунистической партии, подписанное его членом, философом Ги Бесом. Другой пример: ни мое вмешательство, ни вмешательство Французской компартии не смогло помочь Виктору Далину получить визу, которая позволила бы ему приехать в 1984 г. в Безансон для получения диплома почетного доктора наук; это звание было присвоено ему университетом Франш-Конте по инициативе Пьера Левека и Жана Шарля, верного друга Далина.

Что касается некоторого недопонимания, то оно относилось к разным значениям, которое мы вкладываем в общее для нас понятие

«марксизм». Для русских историков разных поколений, с которыми я встречался, быть марксистом означало внешне подчиняться, с большими или меньшими искренностью и акцентированием, канонам теории «диамата» (диалектического материализма). А потому я всегда считал, что советским историческим трудам, которые я знаю по переводам, истинную и несомненную значимость придавала работа исследователей с источниками, обширные знания авторов, очевидные в трудах старых «эрудитов» – Тарле, Поршнева, Адо, и критическое усвоение современной научной литературы, а не формальные апелляции этих историков к марксизму, который мне всегда казался у них скорее абстрактным, нежели творчески прочувствованным, за исключением трудов Далина. Нужно быть неискренним, чтобы утверждать обратное, говоря о работах Волгина, Далина, Иоаннисян, Манфреда, Адо, Смирнова и других. Напротив, называться «марксистом» и стараться им действительно быть во Франции или даже вообще на Западе в 1945–1990 гг. – означало подвергаться страшному вызову, как напомнил нам Эрик Хобсбаум в своей недавней впечатляющей монографии! Прежде всего, все теоретические системы, так или иначе ведущие свое происхождение от Маркса, даже те, что ссылались также и на ленинские идеи, имели множество различий, которые только углубились в 1960–1980 гг. Из-за этого в среде французских и, в целом, западных марксистов постоянно шли оживленные дискуссии, не считая экзегетической полемики, связанной с изучением марксизма. Вспомним, к примеру, дебаты о теоретическом значении идей Дьердя Лукача или Антонио Грамши. Или ту достаточно традиционную дискуссию, которая возвращала к жоресовскому стремлению примирить демократические ценности с идеей эмансипации посредством установления бесклассового общества. Или же частный спор по близким нам методологическим вопросам между историком Пьером Виларом и философом Луи Альтюссером, о чем в очередной раз говорилось на недавней конференции¹⁵. Сама идея марксистской «ортодоксии» мало помалу размывается из-за подвижности всех политических образований, тяготеющих к марксизму, включая организации, зависящие от коммунистических партий, как это произошло во Франции с Институтом Мориса Тореза, ставшего Институтом марксистских исследований, а, в конце концов, институтом «Пространство Маркса» (Espace-Marx). Во Франции и вообще на Западе стремление считать себя марксистом и применять соответствующие идеи в научной работе, пусть даже в сугубо «университетской» форме, может повлечь за собой нежелательные последствия: попытки публичной дискредитации,

¹⁵ Pierre Vilar : Une histoire totale, une histoire en construction. Actes du colloque de Paris X – Nanterre (2004) / Sous dir. A. Cohen, P. Luna et R. Congost. P., 2006.

угрозу карьере, навешивание ярлыков, оттирание в сторону, профессиональные притеснения и другие неприятности, о которых я бы не говорил, если бы не испытал их на себе, впрочем, по сравнению со многими другими, признаю, лишь в весьма ограниченной степени. А потому называться здесь историком-марксистом и стремиться всерьез оправдывать такую репутацию было далеко не столь просто, как в Советском Союзе, где «марксизм-ленинизм» являлся государственной идеологией. Я это быстро понял, но не для того, чтобы отдалиться от тех московских историков, о которых говорил выше. Напротив, я обогащал себя тем, что их работы могли дать ценного в историческом плане, а, с другой стороны, стремился показать им, без споров или провокаций, что теоретические искания, составлявшие наш повседневный хлеб, могли бы внести творческие сомнения в их внешне непоколебимую уверенность, более навязанную им политической системой, нежели реально отвечавшую личным убеждениям и культуре каждого из них. Только это, по моему мнению, позволило бы избежать – и не только в то короткое время, когда мы были вместе – догматизма (считающего себя «марксистским»), за которым неизбежно следует скептицизм, являющийся, как известно со времен Декарта, его побочным братом... Определенная двусмысленность, ощущавшаяся каждым из нас в наших братских отношениях (сколько раз мы говорили о ней с Альбером Собулем!), была порождена тем, что наши собеседники считали сложные перипетии «идеологических баталий» на Западе, воспринимавшихся ими в искаженном свете, схоластикой или риторическими изысками, тогда как мы были убеждены, хотя и без чрезмерной веры, в благотворном влиянии наших критических подходов на общее развитие марксистских идей, ведь именно таким образом Маркс и даже Ленин осмысливали исторические реалии. Подспудно каждый из нас избегал того, чтобы разрешить подобную недосказанность, и представлял будущему отделить зерна от плевел, стараясь не повредить диалогу между друзьями об общечеловеческих ожиданиях и единых исторических и философско-материалистических подходах. Диалог, познавательную ценность которого мы ценили, как и его возможное значение для будущего... Сегодня те времена уже прошли. А где мы сейчас? Не знаю.

* * *

В заключение, оставим факты в стороне, как предлагал Жан-Жак Руссо, приступая к своему «Рассуждению о начале и основаниях неравенства между людьми». Они касаются частных, ныне уже оставшихся в прошлом. Главный же вопрос, который я задаю себе: как, с исторической точки зрения, объяснить то, что скромный и честный

французский историк второй половины XX столетия, не говорящий по-русски и не имеющий никаких географических, семейных или культурных связей с Россией, вышедший из обычной семьи без каких-либо особых «революционных» традиций, смог вступить в столь продолжительные отношения с советскими историками, занимавшими весьма высокие официальные посты в федеральной столице их социалистического государства? Думаю, для объяснения следовало бы использовать сартровские концепты «ситуативного» и «преднамеренного». Со времен Освобождения я восхищался Советским Союзом (который я увидел воочию лишь в 1982 г.) и любил его за ту роль, которую он сыграл в разгроме нацизма и в избавлении Европы от оккупации. Кроме того, по моему убеждению, Октябрьская революция в глобальном смысле, не беря в расчет ее конкретных последствий, символизировала переломный момент в движении человечества к свободе. Если Хайдеггер, Карл Шмидт или их фанатичный эпигон Альфред Розенберг видели в большевизме болезненный итог рационализма эпохи Просвещения, воплощение духа Французской революции и, ко всему прочему, результат еврейского плана по уничтожению культуры, то я, напротив, совершенно сознательно и в пику им занялся историей именно того века, который породил коммунизм. Отсюда та, я бы сказал, «принципиальная» симпатия, которую у меня вызывали советские историки еще до того, как я с ними познакомился. Впоследствии узнав в силу случайного стечения жизненных обстоятельств, я стал восхищаться многими из них.

Следует также напомнить, что в годы Холодной войны работы советских историков были совершенно неизвестны во Франции! Было настоящим издательским подвигом, когда с 1952 по 1956 гг., благодаря инициативе нескольких историков – Пьера Ангрена, Жана Брюа и Жана Варлоо, а также журнала *La Nouvelle critique*, были переведены на французский язык и выпущены три сборника статьи, ранее опубликованные в советском журнале «Вопросы истории». В первом (1952) содержалась важная работа Манфреда о франко-русских отношениях после Франкфуртского мира. Второй (1954), посвященный истории социально-политической борьбы во Франции, включал в себя статьи Волгина, Потемкина, Застенкера, Желубовской и Алпатова (о Токвилле). Третий содержал статьи Зубова о Гассенди, Алексева-Попова о «Социальном Кружке» и Застенкера о Прудоне. Для многих французских историков, молодых и не очень, эти сборники стали первым и часто единственным контактом с советской историографией того времени.

Достаточно быстро я, вслед за Собулем и подобно большинству моих друзей и товарищей, начал проявлять все более и более реалистичное отношение к советской историографии или к работам, выходящим под этой маркой, что стало следствием событий 1965–

1980 гт., когда возник стратегический вопрос о будущем «реального социализма»¹⁶. Значительная часть тех людей, которых я встречал, мало чем могла повлиять на эти радикальные перемены, которые коснулись нас всех.

* * *

Я занимал в этой истории, признаюсь, столь бесконечно малое место, что оно не заслуживает более ни единой строки. Однако в данном повествовании без определенного сюжета я подтверждаю свои права на это малое место и свою долю ответственности, поскольку ни о чем не жалею и, вглядываясь в будущее, могу, как правильно сказал Екклесиаст, констатировать, что «всему свое время, и время всякой вещи под небом:...время плакать и время смеяться...время разбрасывать камни и время собирать камни» (Еккл. 3:1–5).

Пришло ли время их собирать?

¹⁶ Хочу обратить внимание, что тема перехода от советской историографии к современной российской стала предметом ряда подробных статей, где делается акцент на «смене вех», как сформулировал это А.В. Чудинов, так сказать, на изменениях в идеологической обстановке и мотивации. См.: *Ado A. La Révolution française dans l'historiographie soviétique actuelle* // *Images de la Révolution française*. P., 1989. T. 2 P. 1198–1209; *Idem. Sur l'historiographie soviétique de la Révolution française* // *Critica storica/Bolletino A.S.E. Roma. Anno 28. 1991. N 4. P. 833–834*; *Pimenova L. L'image de la R.F. dans les débats publics en Russie à l'heure actuelle* // *Pour la Révolution française. Recueil d'études (en hommage à C. Mazauric)*. Rouen, 1998. P. 537–540; *Smirnov V. L'usage de la R.F. dans l'historiographie post-soviétique* // *Ibid.* P. 540–545. Отмечу также вышедший под редакцией В. Смирнова с предисловием М. Дориньи сб: *Les historiens russes et la Révolution française après le communisme*. P., 2003, куда вошло десять этюдов, включая статью А.В. Чудинова «La R.F.: de l'historiographie soviétique à l'historiographie russe, "changement de jalons"», вышедшую ранее на русском языке: *Чудинов А.В. Смена вех: 200-летие Революции и российская историография* // *ФЕ 2000. М., 2000. С. 5–23.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВИ – Вопросы истории
- НиНИ – Новая и новейшая история
- СВ – Средние века
- ФЕ – Французский ежегодник
- AHRF – *Annales historiques de la Révolution française*
- Annales – *Annales: Économies. Sociétés. Civilisations*. С 1994 года
Annales: Histoire, Sciences sociales.